

УДК 821.161.1:82-43

**Несколько слов о Крымском тексте
(Разграничение понятий *Крымский мотив*,
образ Крыма и *Крымская тема*)**

Курьянов С. О.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
so_k@inbox.ru*

Для формирования Крымского текста в русской литературе большое значение имели такие литературно-художественные явления, как Крымский мотив, образ Крыма и Крымская тема. В статье предпринимается попытка осмысления этих понятий и их разграничения.

Ключевые слова: *Крымский текст, русская литература, мотив, образ, тема.*

Сегодня множатся труды по топическим (локальным, региональным) текстам. Выявлены и разрабатываются Петербургский, Пермский, Венецианский, Московский, Лондонский, Флорентийский и множество других текстов.

Термин Крымский текст явился своеобразной реакцией на работы В. Н. Топорова, и особенно на его книгу «Петербургский текст русской литературы» [11], где впервые был описан особый вид связанного с петербургскими реалиями текста и разработаны критерии его выделения в художественной литературе.

Термин Крымский текст появился после книг А. П. Люсого [5; 4] и окончательно вошел в научное сознание благодаря публикациям и диссертационным исследованиям крымских, украинских и российских филологов.

Закономерным воспринимается тот факт, что именно в Санкт-Петербурге, в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 2006 году была проведена Международная научная конференция «Крымский текст в русской культуре», значение которой сохраняется и сегодня. В 2008 году были опубликованы ее материалы [2]. При этом и они, и программа конференции показали, что ученое собрание более ставило проблемы, нежели решало их. В богатых примерами и разнообразных по научным подходам статьях заметна одна особенность: участники как бы договорились о том, что Крымский текст существует, и они понимают, что это такое; но более или менее внятной формулировки или хотя бы описательного пояснения, что такое Крымский текст, никто не высказал.

Касались самых разных сторон феномена Крыма: рассматривали связи крымской земли с античными сюжетами и мотивами (М. Н. Виролайнен), Византией и византийскими традициями, проявившимися в русской культуре (О. Буренина, О. М. Гончарова), в связи с Корсунской легендой говорили о традициях древнерусской литературы в духовных произведениях С. Н. Булгакова (Е. В. Кардаш), прослеживали влияние Крыма на творчество и мироотношение А. С. Пушкина (Э. И. Худошина, О. С. Муравьев, В. А. Кошелев), В. А. Жуковского и Н. Г. Чернецова (Л. Е. Мисайлиди), Н. В. Гоголя (Е. Е. Дмитриева) и др.; затрагивали проблемы культуры, литературы, истории, геополитики и т.п.

Но единственная тогда попытка прояснить, что же такое Крымский текст русской литературы (шире – культуры), была предпринята в статье М. В. Строганова, который резонно заметил, что «понятие крымский текст ввел в научный оборот А. П. Люсьи. Но ответа на вопрос о специфике этого пространства как локального он не дал» [8, с. 72]. Симптоматично само построение фразы «понятие ввел» – «но ответа о специфике пространства не дал». Ученый, уходя от необходимости формулировать дефиницию понятия, перевел разговор в иную плоскость, попытавшись объяснить специфику пространства как локального, и оказался в плену культурологических, а не филологических представлений о региональном (локальном) тексте.

Проблема Крымского текста не первый год является предметом изучения на Международном симпозиуме «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст», проводимого ежегодно в Крыму, а также в работах целого ряда крымских ученых, так или иначе затрагивающих его. Но и здесь в подходах к Крымскому тексту единодушия не усматривается.

Крымский текст в русской литературе вырос из Крымской темы и Крымского мифа (мифа Тавриды) [4, с. 7] и сам способствует мифологизации пространства [8, с. 88].

В работе В. В. Курьяновой о Крымском тексте в творчестве Л. Н. Толстого впервые предпринята попытка дефиниции понятия Крымский текст: «...под *Крымским текстом* в литературе мы понимаем семантически связанную с Крымом систему представлений о человеке и мире, которая отражает неповторимость крымской земли, является ее знаковой манифестацией и закреплена в произведениях писателя (писателей). Крымский текст формируется в определенный историко-культурный период под влиянием событий, мифологем и архетипов, специфических для Крыма. Он воспринимается обязательно и только с помощью единого интерпретирующего кода, который присущ писателю и читателю (зрителю, слушателю) как субъектам одного историко-литературного и социокультурного процесса» [3, с. 5]. Исследовательница утверждает, что «понятие Крымский текст отличается от понятий Крымского мотива, образа Крыма, Крымской темы и Крымского мифа», однако в своей работе дифференциации этих понятий не дает.

В целом соглашаясь с предложенной формулировкой, мы ставим **целью данной статьи** попытаться разобраться с различием понятий *Крымский мотив, образ Крыма и Крымская тема*.

Поскольку исследователи сходятся во мнении, что мотив – это мельчайшая смысловая составляющая литературного произведения, чаще всего неделимая (хотя существуют и другие точки зрения) [см. об этом: 9], то *Крымским мотивом*, по нашему убеждению, может стать любой из тех или иных мельчайших смысловых элементов Крымского мифа: как закрепленных в известных произведениях (Херсонес, крещение князя Владимира, набег крымских татар, храм Дианы, потаенная любовь, Салгир, Митридат, Аю-Даг, Бахчисарайский дворец, Бахчисарайский фонтан и т.п.), так и не закрепленных (или проявившихся в произведениях, не известных массовому читателю). К последним могут относиться географические и этнографические приметы (как, например, в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого: Дуванкой, маджара; или: название малых крымских этносов (караимы, крымчаки), блюда крымской кухни (чебуреки и особенно караимские пирожки); исторические события (Крымская война); Крымским мотивом могут стать пляж и Черное море (хотя и существует не только крымское черноморское побережье) и т.п.). Причем, перечисляя данные мотивы, мы исходим из того, что «в центре смысловой структуры М.<отива> – собственно действие, своего рода предикат, организующий потенциальных действующих лиц и потенциальные пространственно-временные характеристики возможных событий. Так, можно говорить о «М.<отиве> погони» или «М.<отиве>

поединка», имея в виду то, что в различных фольклорных и литературных произведениях эти М.<отивы> выражаются в форме конкретных событий погони или поединка, связанных с конкретными персонажами (героями) и обстоятельствами» [7, с. 130]. В нашем случае, помимо специально нами указанных мотивных действий (крещение князя Владимира, набег крымских татар), все остальные предметы и субъекты также несут в себе (и мы на этом настаиваем!) предикативную функцию как явления, связанные с событиями государственной или частной жизни («здесь закололся Митридат», «вокруг утесов Аю-Дага», «фонтан живой» и под.). Все это вместе и каждый элемент в отдельности создает своеобразную отсылку к крымским реалиям или устойчивым образам и связывает в сознании читателя (зрителя, слушателя) те или иные события литературного произведения с крымскими реалиями. Но собственно *мотивами* эти *литературные явления* становятся тогда, когда *приобретают характер повторяющегося элемента в разных литературных произведениях*, порой относящимся к разным историческим эпохам. Крым в мотиве возникает как ассоциация и проявляется через каждое отдельное обозначение, так или иначе связанное в массовом сознании (или хотя бы – в сознании некоторых) с Крымом.

В понимании художественного образа мы согласны с В. Е. Хализевым, который опирается на утверждения А. А. Потебни, рассматривавшего *образ* в работе «Мысль и язык» [см.: 8, с. 32–35] в качестве *воспроизведенного представления* – как некую чувственно воспринимаемую данность. «Именно это значение слова “образ” является насущным для теории искусства», – пишет В. Е. Хализев. Художественные образы, говорит он далее, «создаются при явном участии воображения: они не просто воспроизводят единичные факты, но сгущают, концентрируют существенные для автора стороны жизни во имя ее оценивающего осмысления. Воображение художника – это, следовательно, не только психологический стимул его творчества, но и некая данность, присутствующая в произведении. В последнем наличествует вымышленная предметность, не имеющая полного соответствия себе в реальности» [12, с. 89–90]. Существуют и другие определения термина *образ* [см. об этом: 9]

Поскольку образ является способом и формой освоения действительности в литературе и искусстве, *образ Крыма* как раз и базируется на восприятии и освоении Крыма автором, а затем и читателем (зрителем, слушателем), который получает, с одной стороны, некий набор сведений и, с другой – своеобразный информационный код к ним, с помощью которого и происходит раскодировка информации, но только в определенном ключе – том, который был задан автором. Когда этот информационный код воспринимается многими (как писателями, так и читателями), начинает происходить не одинаковое, но близкое к авторскому замыслу понимание образа. Образное представление писателя благодаря художественному образу становится достоянием читателя и закрепляется в его сознании.

Образ Крыма появляется в русской литературе довольно поздно. Так, возникновения образа Крыма в древнерусской литературе произойти не могло, поскольку, с одной стороны, Крым не воспринимался древнерусскими писателями как единое целое, а с другой – не был частью Русского государства и в связи с чем не попадал под пристальное писательское внимание. В XVIII веке, точнее, во второй его половине существовало более эмоциональное восприятие Крыма, нежели художественное. Поэтому только с начала XIX века, когда возник пристальный интерес к полуострову не только у писателей, но и у широкой читающей публики, и мог сформироваться образ Крыма.

В отличие от Крымского мотива, образ Крыма требует разностороннего взгляда на предмет и не может возникнуть в результате одиночного упоминания или ассоциации. Поэтому он непосредственно связан с появлением в литературе Крымской темы.

Крымская тема, или тема Крыма, проявилась вполне также в начале XIX века, сначала благодаря литературе путешествий, а затем охватив по сути все литературные жанры.

Термин *тема* нередко смешивается с понятием *идеи* произведения и нередко характеризуется как «основная мысль, развитая в литературном произведении или научном обсуждении», «основная ведущая мысль произведения», «основной замысел, основное звучание произведения», «то, что положено в основу, главная мысль литературного произведения» [см.: 9].

Нам же близко то понимание темы, которое сформулировал В. Е. Хализев, опираясь на Б. В. Томашевского. «...значение термина “тема”, – пишет В. Е. Хализев, – насущно для разумения познавательного аспекта искусства... <...> Тема как фундамент художественного творения – это все то, что стало предметом авторского интереса, осмысления и оценки. Данный феномен Б. В. Томашевский назвал главной темой произведения. Говоря о тематике в этой ее стороне не структурной, а субстанциальной, он называл темы любви, смерти, революции» [12, с. 44–45]. Б. В. Томашевский утверждал, что тема – это «единство значений отдельных элементов произведения. Она объединяет компоненты художественной конструкции, обладает актуальностью и вызывает интерес читателей» [10, с. 176–178]. Ту же мысль выражают современные ученые: «Тема есть некоторая установка, которой подчинены все элементы произведения, некоторая интенция, реализуемая в тексте» [1, с. 150].

Поэтому мы рассматриваем тему как комплекс проблем и явлений, отраженных в литературном произведении и скрепленных единой направленностью, подчиненной авторскому замыслу, который в свою очередь зависит не только от идеологических установок писателя или запросов исторического периода, но также от вкусов читателей (зрителей, слушателей) и художественной традиции.

Крымская тема в каждом отдельном произведении проявляется не полностью: представление о том, какие жизненные явления охватываются этой темой, значительно шире того, как она проявляется, к примеру, в «Тавриде» К. Н. Батюшкова, «Бахчисарайском фонтане» А. С. Пушкина или «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого. По сути каждый художник раскрывает свою Крымскую тему, которая добавляет уже известному и привычному новые черты. Географические названия (древние и новые) и само описание этих мест, этнографические детали, образ жизни, интенции развития, исторические события, язык и культура и т.п. – все это, порозному и в разной мере проявленное в произведениях художников слова, писавших о Крыме, и входит в понятие Крымская тема.

Выводы. *Крымским мотивом*, таким образом, может стать любой из тех или иных мельчайших смысловых элементов Крымского мифа: как закрепленных в известных произведениях, так и не закрепленных.

Образ Крыма базируется на восприятии и освоении Крыма автором, а затем и читателем, который получает, с одной стороны, некий набор сведений и, с другой – своеобразный информационный код к ним, с помощью которого и происходит раскодировка информации, но только в определенном ключе – том, который был задан автором. Образное представление писателя благодаря художественному образу становится достоянием читателя и закрепляется в его сознании.

Поскольку тема – это комплекс проблем и явлений, отраженных в литературном произведении и скрепленных единой направленностью, подчиненной авторскому замыслу, каждый художник раскрывает свою Крымскую тему, которая добавляет уже известному и привычному новые черты: географические названия (древние и новые) и само описание этих мест, этнографические детали, образ жизни, интенции развития, исторические события, язык и культура и т.п.

Список литературы

1. Жолковский, А. К. Работы по поэтике выразительности : Инварианты–Тема–Приемы–Текст [Текст] : Сборник статей / А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов ; Авт. предисл. М. Л. Гаспаров. – М. : Прогресс, 1996. – 343 с.
2. Крымский текст в русской культуре [Текст] : Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г. / Под ред. Н. Букс, М. Н. Виролайнен. – СПб. : [Б. и.], 2008. – 250 с.
3. Курьянова, В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого [Текст]: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02 Русская литература / В. В. Курьянова. – Симферополь, 2013. – 241 с.
4. Люсый, А. П. Наследие Крыма : геософия, текстуальность, идентичность [Текст] / А. П. Люсый – Москва : Русский импульс, 2007. – 240 с.
5. Люсый, А. П. Крымский текст в русской литературе [Текст] / А. П. Люсый. – СПб. : Алетей, 2003. – 314 с.
6. Потебня, А. А. Теоретическая поэтика [Текст] : научное издание / А. А. Потебня ; Сост. А. Б. Муратов ; Автор вступ. ст. и коммент. А. Б. Муратов. – М : Высшая школа, 1990. – 342, [2] с. – (Классика литературной науки).
7. Силантьев, И. В. Мотив [Текст] / И. В. Силантьев // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / [Гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко]. – М. : Издательство Кулагиной ; Intrada, 2008. – С. 130–131.
8. Строганов, М. В. «Мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических...» (И не только Пушкин) [Текст] / М. В. Строганов // Крымский текст в русской культуре : Материалы международной научной конференции. 4–6 сентября 2006 г. / Под ред. Н. Букс, М. Н. Виролайнен. – СПб. : Изд-во Пушкинского Дома, 2008. – 250 с. – С. 72–88.
9. Теоретическая поэтика: понятия и определения [Электронный ресурс] : Хрестоматия для студентов филологических факультетов / Автор-сост. Н. Д. Тмарченко. – М. : РГГУ, 1999. – 286 с. // Сайт «Infolio. Электронная библиотека». – Режим доступа : <http://www.infoliolib.info/philol/tamarchenko/hr.html> (дата последнего обращения : 10.08.2014).
10. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика [Текст] : Учеб. пособие для студ. вузов, обуч. по напр. «Филология», спец. «Филология», и «Литературоведение» / Б. В. Томашевский. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 335 с.
11. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы [Текст] : Избранные труды / В. Н. Топоров. – СПб. : «Искусство–СПБ», 2003. – 616 с.
12. Хализев В. Е. Теория литературы [Текст] : Учебник / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 2002. – 438 с.

Кур'янов С. О. Кілька слів про Кримський текст (Розмежування понять Кримський мотив, образ Криму та Кримська тема) // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 27 (66). № 2. – С.171-176

Для формування Кримського тексту в російській літературі велике значення мали такі літературно-мистецькі явища, як Кримський мотив, образ Криму і Кримська тема. У статті робиться спроба осмислення цих понять і їх розмежування.

Ключові слова: *Кримський текст, російська література, мотив, образ, тема.*

Kuryanov S. A few words about the Crimean text (Differentiation notions Crimean motif, the image of the Crimea and Crimean theme) // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.171-176

For the formation of the Crimean text in Russian literature were of great importance such literary phenomena such as Crimean motif, image of Crimea and Crimean theme. The article is an attempt to understand these concepts and their distinctions.

Keywords: *Crimean text, Russian literature, motif, image, theme.*

Поступила в редакцию 22.08.2014 г.